

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Абильдинова Ж. Б.	Жанровая специфика анекдота.....	5
Банько А. Н.	Языковые способы выражения прагматонимов в рекламных текстах (на примере товаров автопроизводителей).....	10
Гайнутдинова А. Ф.	Субстантивация местоимений в русском языке. Тематические группы субстантивированных местоимений.....	16
Досбаева Н. Т.	Воссоздание художественного стиля при непосредственном переводе.....	19
Искандарова Г. Р.	Словообразование и метод трансформаций (на материале немецкого языка).....	23
Казанкова К. В.	Фитоморфный миф в поэтике Г. Г. Маркеса.....	28
Карманова З. Я.	Проблема значения слова: «языковые игры» vs «рефлексивные игры».....	33
Костякова Л. Н.	Эстетические функции прилагательного ‘черный’ в произведениях Б. А. Пильняка.....	38
Кочетова Л. А.	Лингвoseмиотические характеристики товарных знаков в динамическом аспекте.....	43
Кузнецова Н. А.	Здоровая журналистика как форма авторского самовыражения.....	49
Куликова Ю. С.	Перевод женских романов: гендерный аспект.....	53
Мартемьянова М. А.	Основные способы образования терминов нанотехнологий.....	58
Машкова С. Н.	О жанровом своеобразии поэмы О. Сулейменова «Кактус» в связи с особенностями её субъектной организации.....	62
Медведева А. В.	Семантический потенциал развития многозначности разными частями речи русского языка.....	70
Мельникова В. С.	Универсальные признаки концепта ‘жалость’ в научном дискурсе.....	75

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А. Ю. Шатин – главный редактор
А. В. Мельников – зам. главного редактора
Л. А. Шкатова – главный редактор научного направления

**Е. Н. Азнамеева, Н. В. Александрова,
М. В. Загидуллина, Е. Н. Ковтун, В. А. Михнокевич,
С. А. Питина, Н. Б. Попова, Н. Б. Приходкина**

Редакция журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание статей и качество перевода аннотаций несут авторы публикаций.

С требованиями к оформлению статей можно ознакомиться на сайте ЧелГУ www.csu.ru.

Адрес редакционной коллегии:
454084 Челябинск, пр. Победы, 162 в
Тел.: (351) 799-71-34

Журнал зарегистрирован в Упринформпечати
Администрации Челябинской области. Рег. № 87
Индекс 73855 в каталоге российской прессы
«Почта России»

Редактор **М. В. Загидуллина**
Компьютерная верстка **А. А. Селотина**

Подписано в печать 02.08.10
Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 22,0. Уч.-изд. л. 18,0
Тираж 1000 экз. Заказ 802.
Цена договорная

ГОУ ВПО «Челябинский государственный
университет»
454001 Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129

Типография «Два комсомольца»
454084 Челябинск, Комсомольский пр., 2

В. С. Мельникова

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ КОНЦЕПТА 'ЖАЛОСТЬ' В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

На материале этико-философских текстов выявлены универсальные, прототипические, признаки концепта 'жалость', определена социально-этическая составляющая данного концепта, проанализированы особенности когнитивной оценки соответствующей эмоции, установлены этапы ее сценарного переживания (признание страдающего однородным себе, постановка себя на его место, представление его состояния и приравнение к собственному, состояние неудовольствия, деятельная помощь страдающему и др.).

Ключевые слова: концепт 'жалость', его базовые признаки, морально-ценностная семантика; когнитивная оценка жалости, ее антиномичность, прагматика; синонимика; контекстуальный анализ.

Концепт 'жалость' по своей предметной отнесенности принадлежит к эмоциональной концептосфере, которая, в свою очередь, образует один из ключевых фрагментов культуры и языка. Содержание данной ментальной единицы формируется универсальными и культурноспецифическими представлениями о соответствующей эмоции. Первые отражают базовые, прототипические, смыслы концепта, вторые составляют его этнокультурную модель¹. Совокупность универсальных признаков определенного концепта служит для исследователя своеобразным нейтральным фоном, в сопоставлении с которым выявляются национально маркированные концептуальные признаки.

В рамках настоящей статьи рассмотрим прототип концепта 'жалость'. Объектом исследования выступает научный дискурс, в котором вербализуется соответствующий тип сознания². Представления о жалости, закрепленные в научной сфере сознания, отражают мировоззренческие, ценностные и практические аспекты соответствующего концепта.

Поскольку имя избранного нами культурного концепта содержательно определяется в этической парадигме, постольку его универсальные признаки выявляются в ходе анализа этико-философских текстов. Исследованию подвергаются контексты слов 'жалость', имя концепта, и 'жалеть', основной репрезентант-предикат, а также синонимика (*сострадание, сочувствие, милосердие* и др.), смежные этические понятия (*добро, благожелательность, справедливость* и др.) и косвенные описания.

Жалость в философских работах рассматривается главным образом в свете этической проблематики, в сопоставлении с такими по-

нятиями, как мораль, добро и зло, благо и благожелательность, любовь, ценность и др. Подобный ракурс изучения закономерен, поскольку семантика жалости содержит в себе наряду с собственно эмоциональными признаками, отражающими психическую сущность данного явления, морально-ценностные признаки, связанные с его нравственной оценкой.

Жалость, или сострадание, является нравственным переживанием человека³, в котором выражается его этическое отношение к другим людям. Такое отношение имеет нормативный характер и базируется на благожелательности, побуждающей человека стремиться к благу других людей.

Вероятно, антиподом благожелательности является эгоизм, содержание которого определяется исключительно установкой *благо для себя*. Целью такой установки является достижение эгоистической удовлетворенности. Благожелательность и жалость, напротив, не имеют корыстных мотивов, они несовместимы с эгоистической удовлетворенностью: «...всякое серьезное чувство *сожаления* о чужом страдании, нравственном или физическом, тяжело для испытывающего это чувство и, следовательно, противно его эгоизму, что видно уже из того, что искренняя *скорбь* о других смущает нашу личную радость, омрачает наше веселие, т.е. оказывается несовместимой с состоянием эгоистической удовлетворенности»⁴. Таким образом, в ситуации жалости положительная направленность определяется бескорыстным сопереживанием страдающему.

По мнению В. С. Соловьева, жалость следует рассматривать как основание нравствен-

ности, точнее ее альтруистического начала, в силу того, что переживание человеком данной эмоции побуждает его к деятельному добру с целью «избавить другое существо от страдания или помочь ему»⁴. Обобщение же таких альтруистических поступков образует нравственное правило или принцип.

В. С. Соловьевым подчеркивается также, что жалость является активным состоянием, сущность которого определяется единством индивидуальных переживаний и должных социальных отношений⁵.

Нормативно-этическое содержание понятия жалости отмечается также А. Смитом в «Теории нравственных чувств»⁶. Сострадание, по мнению философа, наряду с великодушием, добротой, дружбой и взаимным уважением относится к общественным страстям, которые служат источником согласия и содружества, благополучия и счастья⁷.

Таким образом, сущностно значимым для жалости оказывается положительная направленность на объект, обусловленная социально-этической установкой *благо для другого*. Представляется, что данный признак является ключевым признаком в морально-ценностном содержании концепта 'жалость'.

Признак направленности на объект связан с рациональной (когнитивной) оценкой, которой подвергается конкретный объект, точнее, его состояние со стороны субъекта. Думается, что осуществление подобной оценки может быть описано посредством понятия «вчувствования», которым оперирует С. Л. Франк, объясняя механизм эмоционально-оценочного познания. «Вчувствование есть в действительности прочувствование, эмоционально-душевное проникновение в природу объекта, – переживание, которое, будучи одновременно и субъективно-душевным явлением, и объективным познанием, возвышается над самой этой противоположностью и образует своеобразное в своем роде явление»⁸. В таком явлении следует различать ощущение как состояние или содержание переживания и ощущение как содержание знания⁹. Следовательно, под первым типом ощущения понимается содержание эмоции, непосредственной, стихийной и неподконтрольной воле, под вторым – знания о данном переживании, полученные в результате когнитивной оценки состояния (собственного/чужого).

Вот как описывает механизм такой оценки А. Смит: «...источник нашей чувствительности к страданиям посторонних людей лежит в нашей способности переноситься вообра-

жением на их место, в способности, которая доставляет нам возможность представлять себе то, что они чувствуют, и испытывать те же ощущения»¹⁰. Следовательно, для категоризации жалости значимы такие когнитивные процедуры, как постановка себя на место страдающего и представление его состояния.

Вместе с тем сценарное представление жалости, описанное в работе В. С. Соловьева, включает, помимо названных, такие этапы рациональной оценки, как признание страдающего однородным себе и приравнивание его состояния к собственному: «Видя страдающего существо, я вовсе не отождествляю, не смешиваю его с собою, а только становлюсь в воображении на его место и, признавая его однородность с собою, приравниваю его состояния к своим собственным, как говорится – “вхожу в положение”»¹¹.

Знание субъекта о том, что объект ему однороден, подчеркивается и в «Этике» Б. Спинозы¹². Философ вводит данное требование в дефиницию сострадания. «Сострадание, – пишет он, – есть неудовольствие, сопровождаемое идеей зла, приключившегося с другим, кого мы воображаем себе подобным»¹³.

Таким образом, в семантике жалости содержатся признаки, связанные с рациональной оценкой состояния объекта. Оценку образуют такие компоненты, как постановка субъектом себя на место объекта, признание его однородности себе и представление его состояния.

Результатом оценки является ощущение жалости как содержание знания о том, что испытывает страдающий. Прототипически тот, кто жалеет, испытывает чувство душевной боли, горечи, печали, т. е. чувства, которые сводятся к родовому понятию неудовольствия. Признаки, связанные с состоянием неудовольствия, безусловно, находят свое выражение в семантике жалости. К ним можно отнести такие, как тяжелая переносимость данного переживания и его высокая интенсивность. Так, например, жалость определяется как «невыносимая», «жгучее и острое ощущение», состояние, которое «захватывает все человеческое существо»¹⁴; «напряженное чувство»¹⁵.

Требование однородности субъекту обнаруживает некое противоречие с экстенционалом жалости – множеством объектов, на которые может быть направлена данная эмоция. Противоречие заключается в следующем. Признак однородности предполагает определенное ограничение, сужающее круг возможных объектов жалости. Однако большинством

философов особо подчеркивается, что объектом (предметом) жалости может стать любое живое существо. «Если чувство стыда выделяет человека из прочей природы и противопоставляет его другим животным, — пишет Соловьев, — то *чувство жалости*, напротив, связывает его со всем миром живущих, и притом в двояком смысле: во-первых, потому, что оно принадлежит человеку вместе со всеми другими живыми существами, а во-вторых, потому, что все живые существа могут и должны стать предметами этого чувства для человека»¹⁶. И далее: «*Чувство жалости*, как и следует для нравственной основы, не имеет внешних границ своего применения»¹⁷.

Н. А. Бердяев, трактуя жалость в христианском контексте как «разделение богооставленности твари, соединение с нею в этой богооставленности», считает, что готовность разделить такую богооставленность должна распространяться на все живые существа, в том числе и на животных¹⁸.

Раскрывая сущность жалости в сопоставлении со злорадством, Д. Юм пишет о том, что жалость можно испытывать по отношению к незнакомым и безразличным людям: «*Жалость* есть *сочувствие* к несчастью других, а злорадство — радость по поводу такого, причем это *сочувствие* и эта радость не вызываются ни дружбой, ни враждой. Мы *жалеем* даже незнакомых и совершенно безразличных нам людей»¹⁹.

Ф. Бэкон называет *милосердие* в ряду теологических добродетелей (вера, надежда и любовь-милосердие) наиболее всеобъемлющей²⁰.

Думается, что ограничение, задаваемое требованием однородности объекта субъекту, снимается самой природой жалости, обнаруживающей «первородное единство» всех живых существ. Более того, указание на безграничное множество объектов, охватываемых экстенционалом жалости, является существенным признаком понятия 'жалость'.

Отличительной чертой жалости является также антиномичность ее содержания. Так, в отношении своего объекта переживание жалости может быть как конкретным, так и универсальным, поскольку, с одной стороны, жалость направлена на конкретный объект, она индивидуализирована, с другой — объектом данной эмоции мыслится любое живое существо, жалость универсальна. В поддержку последнего Соловьев пишет: «*Жалость* <...> универсальна и беспристрастна, и в ней человек доходит

до "уподобления Богу", потому что обнимает одинаковым участием всех без различия»²¹.

Кроме того, семантика жалости обнаруживает антиномию прагматического характера, в основе которой лежит оценка страдающим проявлений жалости (утешения, помощи, прощения и др.). Противоречие состоит в том, что положительная установка адресанта жалости может быть негативно расценена ее адресатом. Отрицательно оцениваемая жалость рассматривается последним как унижение и оскорбление.

Отказ от помощи, по-видимому, связан, с одной стороны, с представлением о том, что жалость возникает по отношению к человеку, который слаб (испытывает нужду, физически уязвим, ничтожен и др.), с другой — с неуместным проявлением жалости, которое «не согласуется со свободой и достоинством человека»²². В целом же нежелание становиться объектом жалости определяется неготовностью страдающего воспринимать дар сострадания как знак искренней симпатии: «Принимать *милосердие* очень трудно, иногда труднее, чем давать»²³.

В ряде этико-философских работ подчеркивается тесная связь жалости и любви: «*Милосердие* — высший вид *любви*»²⁴, «В *жалости* всегда есть примесь *любви* или *нежности*...»²⁵, «*Жалость* есть вид *печали*, смешанный с *любовью* или с *доброжелательностью* к тем, кто переживает какое-нибудь незаслуженное горе»²⁶. При этом сочетание чувств любви и жалости, меняет знак переживания последней с минуса на плюс, т. е. состояние неудовольствия сменяется удовольствием. Следовательно, психофизиологические признаки жалости нивелируются ее социально-этическим содержанием; признаки, связанные с представлением о жалости как о моральной ценности, образуют ядерную часть соответствующего концепта и детерминируют остальные концептуальные признаки.

По мнению Соловьева, истинная сущность жалости есть «признание за другим собственного (ему принадлежащего) значения — права на существование и возможное благополучие»²⁷. Право на существование, в основе которого лежит признание однородности страдающего себе, обобщается Соловьевым до идеи правды. Право же на возможное благополучие, реализация которого связана с совершением действий со стороны жалеющего, направленных на улучшения положения страдающего, трактуется как идея справедливости.

Следовательно, делает вывод Соловьев, «мыслимое содержание (идея) *жалости*, или *сострадания*, взятая в своей всеобщности и независимо от субъективных душевных состояний, в которых она проявляется (т. е. взятая логически, а не психологически), есть *правда и справедливость*»²⁷.

При этом отзывчивое, участливое отношение к другим людям предполагает соблюдение двух альтруистических правил. Первое правило, предписывающее «не делай другому ничего такого, чего себе не хочешь от других», есть, в сущности, принцип справедливости²⁸. Второе, которое сводится к нравственному императиву «делай другому все то, чего сам хотел бы от других», является принципом милосердия²⁸. Данные принципы диалектически связаны между собой: «*Милосердие* предполагает *справедливость*, а *справедливость* требует *милосердия*»²⁸. Кроме того, их реализация в единстве служит основанием «для внутренней связи права и нравственности, политики и духовной жизни общества»²⁹.

Итак, проведенный анализ текстов научного дискурса (его логико-философской парадигмы), в которых объективируется концепт 'жалость', позволяет судить об его обобщенном семантическом прототипе, в котором нашли отражение следующие универсальные признаки: положительная направленность на объект; обусловленная социально-этической установкой *благо для другого*; сценарный характер переживания, связанный с когнитивной оценкой состояния объекта, предполагающей признание страдающего однородным себе, постановку себя на его место, представление его состояния и приравнивание к собственному, результат такой оценки – состояние неудовольствия и деятельная помощь страдающему; тяжелая переносимость переживания, его высокая интенсивность; безграничное множество объектов, охватываемых экстенционалом жалости; антиномичность переживания (его индивидуализированность и универсальность, расценивание объектом проявлений жалости как знак симпатии и/или как намерение его унижить и др.); амбивалентность жалости; признаки, отражающие связь с идеями правды и справедливости.

Примечания

¹ Красавский, Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. М., 2008. С. 55.

² Воркачев, С. Г. Любовь как лингвокультурный концепт. М., 2007. С. 79; Карасик, В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс. М., 2004. С. 289.

³ Этика : энцикл. слов. / Ин-т философии РАН ; под ред. Р. Г. Апресяна, А. А. Гусейнова. М., 2001. С. 452.

⁴ Соловьев, В. С. Сочинения : в 2 т. Т. 1. Оправдание добра. Нравственная философия. М., 1990. С. 156.

⁵ Там же. С. 157.

⁶ Смит, А. Теория нравственных чувств. М., 1997.

⁷ Там же. С. 58.

⁸ Франк, С. Л. Предмет знания. Душа человека. Опыт введения в философскую психологию. СПб., 1995. С. 591.

⁹ Там же. С. 454.

¹⁰ Смит, А. Теория нравственных чувств. М., 1997. С. 31.

¹¹ Соловьев, В. С. Сочинения : в 2 т. Т. 1. М., 1990. С. 165.

¹² Спиноза, Б. Этика / пер. с лат. Н. А. Иванцова. СПб., 1993.

¹³ Там же. С. 133.

¹⁴ Бердяев, Н. А. Опыт парадоксальной этики. М., 2003. С. 182, 166.

¹⁵ Соловьев, В. С. Сочинения : в 2 т. Т. 1. М., 1990. С. 162.

¹⁶ Там же. С. 153.

¹⁷ Там же. С. 162.

¹⁸ Бердяев, Н. А. Опыт парадоксальной этики. С. 166.

¹⁹ Юм, Д. Сочинения : в 2 т. Т. 1. / пер. с англ. С. И. Церетели ; под общ. ред. И. С. Нарского. М., 1965. С. 505.

²⁰ Бэкон, Ф. Сочинения : в 2 т. Т. 1. Великое Восстановление Наук / пер. с англ. Н. А. Федорова, Я. М. Боровского. М., 1977. С. 201.

²¹ Соловьев, В. С. Сочинения : в 2 т. Т. 1. М., 1990. С. 169.

²² Бердяев, Н. А. Опыт парадоксальной этики. С. 183.

²³ Льюис, К. С. Любовь. Страдание. Надежда : притчи, трактаты : пер. с англ. М., 1992. С. 258.

²⁴ Там же. С. 251.

²⁵ Юм, Д. Сочинения : в 2 т. Т. 1. М., 1965. С. 519.

²⁶ Декарт, Р. Сочинения : в 2 т. Т. 1 : пер. с лат. и фр. М., 1989. С. 560.

²⁷ Соловьев, В. С. Сочинения : в 2 т. Т. 1. М., 1990. С. 165.

²⁸ Там же. С. 168.

²⁹ Там же. С. 169.